

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЭВИД
Болдаччи

ПОБЕДИТЕЛЬ

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б79

David Baldacci
THE WINNER

Copyright © 1997 by David Baldacci. This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке by Nik Keevil.
Фото автора © Photo by Alexander James.

Болдаччи, Дэвид.

Б79 Победитель / Дэвид Болдаччи ; [пер. с англ. С. М. Саксина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-04-104547-0

Он предпочитает, чтобы его звали Джексон. Он невероятно хитроумен и богат. И он может буквально все. Даже двенадцать раз подряд сорвать джекпот в Национальной лотерее. Казалось бы, это совершенно нереально. И тем не менее ему под силу построить выигрышную комбинацию номеров в лототроне. Осталось лишь подобрать двенадцать победителей — бедноту с самого низа общества, обязанную Джексону до конца жизни и готовую сделать все, что он им прикажет. И ему даже в голову не может прийти, что один из победителей осмелится на собственную игру против него...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Саксин С.М., перевод на русский язык,
2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104547-0

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Мишель, за то, что поддерживает порядок, пока я предаюсь мечтаниям;

Дженнифер Стейнберг, как всегда, за блестящие исследования;

доктору медицинских наук Кэтрин Брум, за то, что выкроила время в своем крайне напряженном графике, чтобы за обедом поговорить со мной о ядах;

Стиву Дженнингсу, за его неизменно острый редакторский глаз;

Карлу Паттону, моему любимому бухгалтеру, и Тому Депонту из Национального банка, за очень нужную помощь в сложных вопросах относительно налогов;

Лэрри Киришбауму, Морин Иджен и всем остальным из команды издательства «Уорнер», за поддержку и просто за то, что они замечательные люди;

Арону Присту, за то, что он мудрец, наставник и, что самое главное, мой друг;

Фрэнсис Джелет-Миллер, за то, что бесконечно улучшила эту книгу;

всем моим родным и друзьям, за любовь и поддержку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

■

Джексон окинул взглядом длинный коридор торгового центра, отметив измученных мамаш, катящих коляски, и группы пожилых людей, прогуливающихся по залу как для физических упражнений, так и для беседы. Одетый в серый в полоску костюм, коренастый Джексон внимательно следил за северным входом в торговый центр. Вне всякого сомнения, она воспользуется именно этим входом, поскольку автобусная остановка как раз перед ним. Джексон знал, что другого транспорта у нее нет. Пикап ее дружка отвезли на штрафную стоянку, четвертый раз за четыре месяца. Джексон мысленно отметил, что это уже должно ей надоеть. Автобусная остановка расположена на шоссе. Ей придется идти до нее около мили, но она часто так поступает. У нее что, есть другие варианты? Ребенок будет с ней. Она никогда не оставляет его на своего дружка, Джексон был в этом уверен.

Хотя фамилия его во всех деловых предприятиях оставалась одна и та же — Джексон, в следующем месяце его внешний вид претерпит разительные изменения: он перестанет быть тем дородным мужчиной средних лет, каким был сейчас. Черты лица, разумеется, снова

изменяться; скорее всего, он похудеет, рост увеличится или уменьшится, как и волосы. Мужчина или женщина? В годах или молодой? Нередко Джексон брал за образец тех, кого знал, или целиком, или отбирая по лоскутку у разных людей, сшивая их вместе в одно полотно. В школе его любимым предметом была биология. Больше всего он восхищался гермафродитами, редчайшим классом живых существ. Джексон улыбнулся, на мгновение задержавшись мыслями на этой величайшей в природе двойственности.

Он получил первоклассное образование в престижной школе на Восточном побережье, в результате чего, сочетая любовь к актерскому мастерству с природным талантом к естественным наукам, добился успеха в двух, казалось бы, взаимоисключающих областях — драматическом искусстве и прикладной химии. По утрам он сидел за страницами, покрытыми сложными уравнениями, или работал со зловонными реактивами в университетской лаборатории, а вечерами увлеченно участвовал в постановке классических пьес Теннесси Уильямса или Артура Миллера.

И эти увлечения очень емугодились. Да, если бы бывшие одноклассники увидели его сейчас!..

В полном соответствии с его сегодняшним образом — мужчина средних лет, излишне полный, потерявший форму вследствие малоподвижного образа жизни, — на лбу у Джексона неожиданно выступила капелька пота. Его губы скривились в усмешке. Эта физическая реакция безмерно обрадовала его — правда, ей в значительной степени поспособствовали теплоизоляционные свойства толстых накладок, которые он надел, чтобы скрыть свое собственное поджарое тело. Но было

тут и нечто большее: Джексон гордился своим полным перевоплощением, как будто у него в организме происходили различные химические реакции в зависимости от того, кем и чем он себя представлял.

Сам Джексон практически не посещал торговые центры: его личные вкусы были гораздо более утонченными. Однако клиентура более уютно чувствовала себя именно в такой обстановке, а в его ремесле это имело большое значение. Встречаясь с ним, люди обычно возбуждались, причем порой это возбуждение оказывалось негативным. Изредка встречи принимали настолько бурный характер, что Джексону приходилось реагировать мгновенно. Эти воспоминания вызвали у него новую усмешку. Однако с успехом не поспоришь. Результат стопроцентный. И все же достаточно было всего одного провала, чтобы все испортить. Улыбка быстро погасла. Убить человека — это никак нельзя назвать приятным впечатлением. Убийство редко бывает оправданным, но если это так, нужно просто сделать дело и двигаться дальше. У Джексона имелось несколько причин рассчитывать на то, что сегодняшняя встреча не приведет к подобному итогу.

Он старательно вытер лоб носовым платком и поправил манжеты сорочки, после чего пригладил едва различимый выбившийся синтетический локон своего тщательно надетого парика. Его собственные волосы были туго стянуты латексной шапочкой.

Джексон открыл дверь и вошел в офис, арендованный им в торговом центре. Внутри было чисто и аккуратно — слишком чисто и аккуратно, вдруг подумал он, оглядываясь по сторонам. Помещению недоставало ощущения настоящего рабочего пространства.

Секретарша, сидевшая в приемной за дешевым стальным столом, подняла взгляд на Джексона. В соответствии с предварительно полученными инструкциями, она не сказала ни слова. Девушка понятия не имела, кто он такой и что она здесь делает. Ей было приказано уйти, как только появится посетительница. Уже совсем скоро она сядет на автобус, уезжающий из города, с удовлетворением ощупывая кошелек, слегка распухший за ее минимальные труды. Джексон даже не посмотрел на нее; она была всего лишь реквизитом в его последней постановке.

Телефон на столе молчал, стоящей рядом с ним пишущей машинкой ни разу не пользовались. Да, несомненно, порядок чрезмерный, нахмурившись, подумал Джексон. Его взгляд упал на аккуратную стопку бумаг на столе секретарши. Одним резким движением он разбросал бумаги по столу, затем чуть развернул телефонный аппарат и вставил страницу в пишущую машинку, быстро прокрутив ее несколькими движениями пластмассовой рукоятки.

Посмотрев на творение своих рук, Джексон вздохнул. Невозможно упомнить обо всем.

Затем он пересек небольшую приемную, быстро достигнув ее конца, повернул направо, открыл дверь в крошечный кабинет и сел за потертый деревянный письменный стол. Маленький телевизор в углу смотрел на него своим погасшим экраном. Достав из кармана пачку сигарет, Джексон закурил и откинулся на спинку кресла, стараясь расслабиться, несмотря на постоянный приток адреналина. Он пригладил узкую черную полоску усиков — они также были из синтетического волокна, закрепленного на марлевой основе, приклеенной к ко-

же спиртовым клеем. И нос подвергся существенному преобразованию: желтовато-серая основа, подчеркнутая и подправленная тенями, превратила его собственный изящный прямой нос во что-то массивное и горбатое. Маленькая родинка, поселившаяся рядом с измененной переносицей, также была ненастоящая: смесь желатина и семян люцерны, разведенная в горячей воде. Ровные зубы скрылись за акриловыми коронками, придавшими им нездоровый вид. Всю эту маскировку запомнит даже самый невнимательный наблюдатель. Соответственно, избавившись от них, он, по сути дела, перестанет существовать. Чего еще может желать тот, кто всерьез занят противозаконной деятельностью?

Скоро, если дело пройдет как задумано, все начнется сначала. Каждый раз случались небольшие отличия, но это было самым волнующим: не знать наперед, что будет дальше. Джексон снова взглянул на часы. Да, очень скоро. Он ждал, что эта встреча будет крайне продуктивной — точнее, взаимовыгодной.

Ему предстояло задать Лу-Энн Тайлер всего один вопрос, один простой вопрос, обладавший потенциалом очень серьезных последствий. Опираясь на свой опыт, он с достаточной долей вероятности предполагал, каким будет ответ, однако полной уверенности быть не могло. Джексон всем сердцем надеялся, ради ее же блага, что ответ будет правильным. Ибо «правильный» ответ был только один. Ну, а если она откажется? Что ж, ребенку так и не доведется узнать свою мать, потому что он вырастет сиротой. Джексон хлопнул по столу ладонью. Она согласится. Как и все остальные. Джексон тряхнул головой, продумывая свои действия. Он заставит ее понять, убедит ее в бесспорной логике союза с ним. В том,

как это изменит всю ее жизнь. Так, как она не смела даже мечтать. Так, как не смела даже надеяться. Разве она сможет отказаться? Отказаться от подобного предложения просто невозможно.

Если она придет... Джексон потер щеку тыльной стороной руки, затем медленно затянулся сигаретой, рассеянно уставившись на торчащий в стене гвоздь. Но, если честно, ну как она могла не прийти?

ГЛАВА 2

■

Пронизывающий ветер гнал воздух прямым вдоль узкой грунтовой дороги, зажатой с обеих сторон густыми зарослями. Внезапно дорога повернула на север, затем так же резко нырнула на восток. За небольшим подъемом снова открылись деревья, в том числе и умирающие, скрюченные в мучительные позы ветром, болезнью и непогодой; но большинство вытянулись в струнку, с мощными стволами и толстыми ветвями, покрытыми густой листвой. Слева от дороги внимательный взгляд заметил бы полукруг голой земли, раскисшей от талой воды, сквозь которую кое-где пробивались пучки весенней травы. Также на этом пустыре в единении с живой природой валялись ржавые двигатели, горы мусора, небольшая горка пустых банок из-под пива, сломанная мебель и прочий хлам; покрытое снегом, все это служило объектами изобразительного искусства, а когда зима отступала на север, становилось домом для змей и прочих тварей. Прямо посреди этого полукруглого островка покоился короткий приземи-

стый жилой фургон, установленный на обвалившийся фундамент из шлакоблоков. Похоже, единственной его связью с остальным миром были электрические и телефонные провода, которые отходили от толстых покосившихся столбов вдоль дороги и утыкались прямо в стену фургона. Эта конструкция определенно была как бельмо на глазу в этой забытой богом глуши. Его обитатели согласились бы с таким определением: оно как нельзя лучше относилось и к ним самим.

Находящаяся в фургоне Лу-Энн Тайлер посмотрела на себя в зеркальце, забравшееся на покосившийся шкаф. Она наклонила лицо под непривычным углом, не только потому, что выдавший виды предмет мебели покосился набок из-за сломанной ножки, но и потому, что зеркало треснуло. По поверхности стекла разбежались извилистые линии, похожие на тонкие ветвящиеся побеги, поэтому если б Лу-Энн заняла место прямо перед зеркалом, она увидела бы в отражении не одно, а три лица.

Изучая себя, Лу-Энн не улыбалась; она не могла вспомнить, чтобы когда-либо улыбалась тому, как выглядит. Внешность является ее единственным достоинством — это было вбито ей в голову с раннего детства. Впрочем, кое-какая работа ортодонта не помешала бы. Этому в значительной степени способствовала колодезная вода без фтора, которую Лу-Энн пила всю свою жизнь, и то, что она ни разу не переступала порог стоматологического кабинета.

Конечно, голова пустая, снова и снова повторил ей отец. Пустая или же не было возможности ею воспользоваться? Лу-Энн никогда не заговаривала на эту тему с Бенни Тайлером, которого вот уже пять лет как не было

на свете. Ее мать Джой, ушедшая из жизни почти три года назад, никогда не была так счастлива, как после смерти супруга. Это должно было бы полностью развеять мнение Бенни Тайлера о ее умственных способностях, однако маленькие девочки верят всему, что говорят им отцы, по большей части безоговорочно.

Лу-Энн перевела взгляд на стену, на которой висели часы. Это была единственная вещь, оставшаяся от матери: в каком-то смысле семейная реликвия, поскольку часы подарила Джой Тайлер ее мать в тот день, когда она вышла замуж за Бенни. Сами по себе они не имели никакой ценности; такие можно купить в любом ломбарде за десять долларов. Однако для Лу-Энн они были самым настоящим сокровищем. Еще в глубоком детстве она засыпала под их медленное, размеренное тиканье. Зная, что в ночной темноте часы всегда будут рядом, всегда будут убаюкивать ее во время сна и встречать утром. Все детство и юность они были одной из немногих постоянных величин в ее жизни. И также это была ниточка, уходящая в прошлое, связывавшая Лу-Энн с бабушкой, которую она обожала. То, что часы были рядом, в каком-то смысле означало, что и бабушка рядом, и так будет всегда. С годами механизм часов сильно изнашивался, и теперь они издавали весьма странные звуки. Часы были с Лу-Энн в горе и в радости, причем горя было гораздо больше. Прямо перед своей смертью мать подарила их ей, приказав заботиться о них. И вот теперь Лу-Энн хранила их уже для своей дочери...

Откинув густые золотисто-каштановые волосы назад, она попробовала было забрать их в пучок, затем умело заплела тугую косу. Не удовлетворившись своим видом, в конце концов подняла пышные локоны вверх и

закрепила их целым легионом заколок, поминутно вертя головой, чтобы проверить получившийся эффект. При своих пяти футах десяти дюймах Лу-Энн вынуждена была пригибаться, чтобы увидеть себя в зеркале.

Она постоянно поглядывала на маленький сверток, лежащий на стуле рядом, и улыбалась, видя закрытые глазки, изогнутый ротик, щечки как у бурундука и пухленькие кулачки. Восемь месяцев от роду, и растет не по дням, а по часам. Девочка уже ползала, забавно покачиваясь из стороны в сторону. Вскоре она уже начнет ходить. Лу-Энн огляделась по сторонам, и ее улыбка погасла. Лизе потребуется совсем немного времени, чтобы освоить просторы фургона. Внутри, несмотря на прилежные старания Лу-Энн поддерживать чистоту, он очень напоминал то, что было снаружи, в основном благодаря темпераментным вспышкам мужчины, в настоящий момент лежавшего распростертым на кровати. Дуэйн Харви пошевелился два или три раза с тех пор, как в четыре часа утра завалился в дом, сбросил с себя одежду и забрался в кровать, однако в остальном он оставался неподвижным. Лу-Энн с нежностью вспомнила, как однажды на заре их отношений Дуэйн вернулся вечером трезвый: результатом этого явилась Лиза. В карих глазах Лу-Энн на какое-то неуловимое мгновение блеснули слезы. У нее не было времени на слезы, особенно на свои собственные. По ее подсчетам, в свои двадцать лет она выплакала их уже столько, что должно было хватить до конца дней.

Лу-Энн снова повернулась к зеркалу. Одной рукой играя с крошечным кулачком Лизы, другой она вытаскивала все заколки, затем тряхнула головой, позволяя локонам естественным образом упасть на высокий лоб.